

ПАЗЛ
ДЕТЕКТИВНЫЙ ТРИЛЛЕР
КНИГА 8

СМОТРИТЕЛЬ



МУРАТ КАРАДЕНИЗ

Мурат Карадениз

Смотритель

<https://litres.ru/74095101>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночной смотритель санатория, бывший следователь Егор Казанцев, находит тело женщины в заколоченном корпусе. В её руке — ключ от вокзальной ячейки, которую он снял два года назад. В кармане — записка с его именем и сегодняшней датой.

Он не вызвал полицию. Он позвонил своему старому наставнику — полковнику, у которого учился работать. Тот приказал забыть. Но Егор уже не может остановиться. Мёртвая женщина знала о нём то, чего никто не должен был знать. Кто-то ждал его в этом корпусе. И кто-то очень хочет, чтобы тайна, которую она унесла с собой, никогда не всплыла.

Уставший от прошлого, он теперь вынужден вернуться к тому, от чего бежал. В стенах старого санатория — запертые комнаты, уничтоженные документы и люди, готовые убивать. Каждый шаг приближает Егора к правде. Вот только правда в этом месте всегда стоит дороже, чем он готов заплатить. И самое страшное: она может оказаться не той, которую он искал.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ЧУЖОЙ КЛЮЧ	12
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Смотритель

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Третий корпус молчал уже два года. Егор знал это — каждый раз, проходя мимо заколоченных окон, он чувствовал, как здание смотрит на него пустыми глазницами. Старый санаторный корпус, построенный ещё в семидесятых, стоял в глубине территории, отделённый от основного здания узкой аллеей, заросшей диким шиповником. Летом там было почти уютно — листва скрывала облупившуюся краску и выбитые стёкла. Зимой же, в декабрьской темноте, корпус выглядел как остов корабля, выброшенного на берег.

Егор шёл по хрустящему снегу, фонарик выхватывал из мрака жёлтые пятна. Двадцать третье декабря, без пятнадцати три ночи. Его смена началась в восемь вечера, и до утра оставалось ещё четыре часа. Обычно в это время он сидел в сторожке, пил чай из старого заварочного чайника и слушал, как гудит отопление. Но сегодня теплосчётчик на третьем корпусе выдал тревогу — перепад давления в системе. Такое случалось, когда в трубах собирался воздух или когда где-то была течь. Егор мог бы проигнорировать сигнал. Многие смотрители так и делали — списывали на сбой датчиков. Но Егор не мог. Он привык проверять. Привык ходить и смотреть.

Боковая дверь корпуса была приоткрыта. Это было неправильно.

Егор остановился в трёх метрах, разглядывая проём. Дверь — старая, металлическая, с выцветшей краской — должна быть заперта на два замка: верхний и нижний. Егор сам проверял их в начале каждой смены. Сейчас верхний висел на петлях, сорванный с косяка. Металл был деформирован, будто его открывали не ключом, а монтировкой — или силой.

Егор выключил фонарик. Постоял, прислушиваясь. Внутри было тихо. Только ветер гулял в пустых коридорах, заывая в трещинах стен. Егор снова включил свет и шагнул внутрь.

Запах ударил сразу — сырость, плесень, старая пыль, присыпанная известью. Корпус готовили к ремонту уже полгода, но работы заморозили, и теперь строительные леса стояли нетронутыми, затянутые полиэтиленовой плёнкой. Плёнка колыхалась от сквозняка, создавая игру теней. Егор двинулся вперёд, держа фонарик ровно, — постарался, чтобы свет не дрожал.

Тело он увидел не сразу. Сначала он заметил только тёмное пятно на бетонном полу у лестницы — там, где плёнка свисала ниже всего, перекрывая обзор. Егор подошёл ближе и замер.

На полу лежала женщина. На вид — лет тридцать-сорок. Русые волосы, собранные в хвост, выбились, рассыпались по бетону. На ней была рабочая куртка — тёмно-синяя, с логотипом ландшафтной фирмы, которую Егор видел раньше.

Он узнал эту куртку. Каждое утро, проходя мимо бытовки дизайнеров, он замечал, как она входит и выходит.

Егор не знал её имени. Но он знал лицо.

Она лежала на спине, правая рука вытянута в сторону. Голова была неестественно повёрнута, и под ней расплывалась лужа — тёмная, почти чёрная в свете фонарика. Кровь уже начала сворачиваться, но ещё не замёрзла — значит, смерть наступила недавно, возможно, несколько часов назад.

Егор заставил себя дышать. Он не был новичком. Он видел мёртвых — раньше, в другой жизни. Но это тело было здесь, на его территории, в его корпусе, который по документам числился закрытым и опечатанным.

Он присел на корточки, стараясь не потревожить место, и разглядывал тело. Левая рука была сжата в кулак. Егор заметил бумажный край, торчащий из пальцев. Он аккуратно разогнул пальцы женщины — холод уже взял своё, суставы двигались с трудом. В ладони был зажат старый бумажный ключ-бирка. Прямоугольный, картонный, с номером — таким, какие дают на вокзалах в камерах хранения.

Номер — 17.

Егор смотрел на бирку и не мог пошевелиться. Он узнал её. Он узнал эти цифры. Два года назад он снял ячейку номер 17 на городском вокзале. Он положил туда старую папку с делом, которое не мог уничтожить, но не мог и оставить у себя. Он не открывал эту ячейку с тех пор. Он даже ключ потерял — или думал, что потерял. Он оставил его в старом

пиджаке, который потом выбросил. Или не выбросил. Он не помнил.

Но бирка была его.

Он вытащил её из руки женщины, повертел. Да, та самая — выцветший картон, потёртый угол, стандартный штамп. Егор сунул её в карман куртки, даже не подумав, что он только что уничтожил улику. Он просто не мог оставить её здесь, на полу, в руке незнакомой женщины.

Он проверил карманы её куртки. В левом боковом — ничего. В правом — скомканный клочок бумаги. Егор развернул его. Там было всего два слова, написанных шариковой ручкой — торопливым, нервным почерком:

«Егор Казанцев».

И дата. Сегодняшнее число. Двадцать третье декабря.

Егор выпрямился. Морозный воздух пробивался через щели, но ему было жарко. Он снова посмотрел на тело. Кто эта женщина? Почему она пришла в закрытый корпус? Как у неё оказался ключ от его ячейки? И что это имя делает в её кармане?

Он не знал. Но знал одно: если он вызовет полицию сейчас, он ничего не узнает. Тело заберут, корпус опечатают, начнётся официальное расследование. Его вызовут как свидетеля, спросят про обходы, про замки, про теплосчётчик. Он скажет, что нашёл тело. И всё. Дальше он будет никем.

Он вынул телефон. Экран горел ярко, резал глаза. Егор нашёл номер в контактах — старый, почти забытый. Тот, ко-

му он звонил раз в полгода, просто чтобы убедиться, что тот ещё жив. Его наставник. Полковник Морозов.

Гудок. Второй. Третий.

— Егор? — голос был хриплый, сонный. — Ты знаешь, который час?

— Я нашёл тело. — Егор говорил тихо, почти шёпотом. — В третьем корпусе. Женщина. Мёртвая.

Тишина. Морозов кашлянул, что-то пробормотал. Потом сказал жёстко, отрезвлённо:

— Ты вызвал полицию?

— Нет.

— Правильно. Не звони им.

Егор молчал. Он ждал, что Морозов скажет ещё что-то. Объяснит. Скажет, что делать. Но старый полковник только вздохнул в трубку:

— Егор, ты уже не при делах. Ты — смотритель. Твоя задача — закрывать двери. Не открывать их. — Пауза. — Ты меня слышишь? Забудь. Иди назад, в сторожку. Пей чай. Ничего не видел.

— Она держала в руке мой ключ.

Морозов молчал так долго, что Егор подумал — он отключился. Но потом полковник сказал:

— Тогда тем более. Слушай меня. Я решу. Но ты не лезь. Ты понял?

— Понял.

Морозов положил трубку.

Егор убрал телефон. Он стоял в пустом корпусе, рядом с телом, и смотрел на выбитую дверь. Свет фонарика дрогнул, заметался по стенам. Егор перевёл его на лицо женщины. Глаза её были открыты — тусклые, безжизненные. Она смотрела в потолок, на плёнку, колыхавшуюся на сквозняке.

«Егор Казанцев».

Она знала его имя. Она пришла сюда с его ключом. И она умерла здесь, в его корпусе, в его смену.

Егор медленно развернулся и пошёл к выходу. Шаги гулко отдавались в пустоте. Он не обернулся. Он вышел в ночь, притворил дверь — насколько это было возможно — и направился в сторону сторожки. Снег хрустел под ногами, мороз кусал щёки. Егор сунул руки в карманы.

В левом кармане лежал ключ-бирка. В правом — записка с его именем.

Он шёл и думал об одном: почему эта женщина держала в руке ключ от его прошлого? И что это значит — что кто-то знает о ячейке, о папке, о деле, которое он похоронил два года назад?

Егор остановился на середине аллеи, поднял голову к небу. Звёзд не было — небо затянуло низкими облаками. Где-то вдалеке ухнула сова. Егор выдохнул, и пар облачком растаял в холодном воздухе.

Он должен был узнать.

Даже если Морозов сказал не лезть. Даже если это стоило ему работы. Или жизни.

Он должен был понять, почему ключ от его прошлого привёл чужого человека к смерти.

ЧАСТЬ 1. ЧУЖОЙ КЛЮЧ

Глава 1

Сторожка встретила его привычным запахом — старыми обоями, мазутом от печки и заваркой, которую он оставил в чайнике ещё в начале смены. Егор закрыл дверь на засов, хотя обычно никогда не запирался. В санатории никто не воровал, а если и воровал, то только еду из общей столовой. Но сейчас ему казалось, что за ним идут. Что кто-то видит каждый его шаг.

Он достал из кармана ключ-бирку и положил на стол. Картонный прямоугольник выглядел безобидно — выцветший, потёртый по краям, с номером, напечатанным старым принтером. Егор смотрел на него и не узнавал. Как эта вещь оказалась у женщины? Он помнил, как снимал ячейку два года назад. Помнил вокзал, серое утро, очередь в камеру хранения. Он тогда только уволился из органов, ещё не знал, куда податься, и таскал с собой папку с материалами дела, которое не давало ему спать. Он не мог её уничтожить — и не мог оставить дома, где жена могла найти. Поэтому он выбрал вокзал. Временное решение. Он думал, что заберёт папку через неделю. Потом через месяц. Потом он забыл.

Егор провёл пальцем по номеру. Семнадцать.

Он вынул из кармана вторую находку — скомканную записку. Развернул. «Егор Казанцев» — и дата. Почерк нервный, торопливый. Женщина успела написать это перед смертью? Или кто-то написал заранее и положил в карман? Егор поднёс бумагу к лампе, посмотрел на просвет. Ничего. Обычный лист из тетради, вырванный наспех.

Он положил записку рядом с биркой. И замер.

Две вещи. Обе говорили о нём. Одна — его прошлое, вторая — его настоящее. И обе лежали на мёртвом теле.

Егор сел на табуретку, обхватил голову руками. В голове шумело. Он прокручивал варианты, как старые кассеты. Вызвать полицию? Сказать, что нашёл тело, что ключ принадлежит ему, что записка с его именем? Тогда его сразу сделают подозреваемым. Бывший следователь, уволенный за «профессиональную слепоту», находит труп с вещами, которые принадлежат ему. Это звучит как начало плохого детектива. Он знал, как работают коллеги — они не ищут правду, они ищут удобного виновного. И он был удобным.

Не вызывать? Тогда он становится соучастником. Если кто-то найдёт тело, а он не сообщит, его уволят. Или посадят. Или то и другое. А если у него дома найдут ключ-бирку? А если в камере хранения — папку с делом, которое он должен был уничтожить?

Егор встал, подошёл к печке, приложил ладонь к горячему металлу. Боль отрезвила. Он знал, что нужно делать — или почти знал. Морозов сказал не лезть. Но Морозов не знал,

что у женщины в кармане была записка с именем Егора. Если бы он узнал, он бы сказал что-то другое. Может быть, он сказал бы: «Жги всё». Или: «Сдавайся». Но Егору нужно было понять.

Только понять. Не спасти. Не наказать. Просто понять, как это оказалось связано с ним.

Он решил молчать. По крайней мере, до утра.

Егор сунул бирку и записку в ящик стола, под старые журналы. Запер ящик на ключ — единственный ключ, который всегда был при нём. Потом сел на своё место, налил из чайника остывший чай, сделал глоток. Горький, почти холодный. Он смотрел на окно, в котором отражалась его собственная усталая физиономия. Серые виски, мешки под глазами. Сорок два, а выглядит на пятьдесят. Работа смотрителем сделала своё дело — он научился молчать и ждать. Но сейчас он не мог ждать.

В дверь постучали.

Егор вздрогнул, едва не расплескав чай. Стук был настойчивый, но не громкий — как будто стучащий не хотел привлекать лишнего внимания. Егор подошёл к двери, приоткрыл на цепочке.

На пороге стоял Михаил.

Егор узнал его сразу — высокий, худощавый, с вечно опущенными плечами. Обслуживающий персонал. Михаил работал в санатории дольше всех, сколько Егор помнил. Он знал все коридоры, все закутки, все замки. Он чинил краны,

менял лампочки, открывал двери, когда кто-то терял ключи. Говорили, что у него есть мастер-ключ от всех помещений. Егор не проверял, но верил.

— Ты что, не спишь? — спросил Михаил. У него был тихий голос, почти шёпот. — У тебя свет горел.

Егор посмотрел на свою лампу. Она действительно горела — тусклая, но заметная из темноты. Он вспомнил, что окно сторожки выходит прямо на дорожку. Любой, идущий мимо, видел свет.

— Батарея капала, — соврал Егор. — Проверял.

Михаил кивнул. Его лицо было спокойным, даже скучающим. Он смотрел мимо Егора, куда-то в глубину сторожки, но взгляд его был пустым.

— Всё нормально? — спросил Егор.

— Нормально, — ответил Михаил. — Только ты не спишь. Я зашёл проверить. У нас в прошлом году был случай — заснул с печкой, чуть не сгорели.

Егор молчал. Он ждал, что Михаил уйдёт. Но тот стоял, переминаясь с ноги на ногу. Ботинки его были мокрыми — Егор заметил это, когда свет упал на пол. Влажные следы тянулись от порога к столу. Следы были с западной стороны. Оттуда, где стоял третий корпус.

Егор почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он знал эту дорожку — через котельную, мимо старого склада, вдоль забора. Там не было асфальта, только земля и грязь. Но зимой она становилась твердой, и мокрые следы оставались только

тогда, когда кто-то заходил в тёплое помещение с мороза. Михаил был на улице. И он пришёл с запада.

— Я спать пошёл, — сказал Михаил и развернулся. — Ты тоже ложись.

Егор смотрел, как он уходит. Шаг, второй, третий. Михаил двигался плавно, бесшумно, как тень. Никакой хромоты. Егор вспомнил запись с камеры — человек в капюшоне, прихрамывающий на левую ногу. Михаил не хромал сейчас. Но он мог прихрамывать вчера. Жаловаться на спину. Всё это могло быть совпадением. Или нет.

Егор закрыл дверь, задвинул засов. Он повернулся к столу, где в ящике лежали бирка и записка. И подумал: Михаил знал, что Егор не спит. Михаил видел свет. И пришёл проверить — хотя никогда не проверял раньше. За два года работы он ни разу не заходил в сторожку ночью.

Егор посмотрел на пол. Там, где стоял Михаил, остались мокрые отпечатки. Он опустился на корточки, разглядывая их. Следы вели от порога к столу и обратно. На подошве был рисунок — глубокий протектор, в котором застряла грязь. Грязь была тёмной, почти чёрной. Такая грязь была только на западе, у третьего корпуса, где земля не промерзала из-за старой канализации.

Егор выпрямился. Он снова подошёл к окну и выглянул. Михаил уже исчез в темноте. Только его следы уходили в сторону жилого блока, где он снимал комнату.

Егор стоял у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Сердце колотилось слишком громко. Он смотрел в ночь и пытался не думать. Не думать о том, что Михаил мог быть там, в третьем корпусе. Что он мог видеть тело. Или оставить его.

Но думать не получалось.

В голове звучал голос Морозова: «Ты уже не при делах». Но Егор чувствовал — он только что стал при делах. Глубже, чем когда-либо. Потому что на его двери, в его сторожке, стоял человек, который пришёл с запада. С той стороны, где лежало мёртвое тело с ключом Егора в руке.

Егор отошёл от окна, сел за стол и открыл ящик. Он достал бирку и записку, положил перед собой. Свет лампы падал на картонный прямоугольник. Номер 17. Он провёл пальцем по краю.

И понял, что теперь уже не сможет забыть. Не сможет сделать вид, что ничего не видел. Потому что ключ в руке мёртвой женщины был его. И человек, который пришёл с запада, знал это.

Егор закрыл глаза. В голове билась одна мысль: «Почему Михаил пришёл с западной стороны?»

Он не знал ответа. Но знал, что утром пойдёт на вокзал.

Глава 2

Егор не спал. Он сидел за столом до самого рассвета, глядя на ключ-бирку и записку. Свет лампы казался жёлтым и болезненным. Несколько раз он вставал, подходил к окну, вглядывался в темноту, но там никого не было. Михаил не возвращался. Тишина стояла такая, что слышно было, как гудит трансформатор на столбе. Егор пил холодный чай и пытался собрать мысли в кучу, но они разбегались.

В шесть утра, когда небо за окном начало сереть, он решился.

Он вышел из сторожки, запер дверь и направился к своей старой «Ладе», припаркованной у ворот. Машина завелась с третьего раза — мороз схватил аккумулятор. Егор прогрел мотор, включил печку и выехал на трассу. До города было сорок минут. Дорога пустая, только редкие фуры шли навстречу. Егор смотрел на снежные поля за окном и думал о женщине. Он не знал её имени. Не знал, кто она, откуда, зачем пришла. Но она держала в руке его ключ.

Вокзал встретил его привычной утренней суетой. Редкие пассажиры — кто-то с чемоданами, кто-то с детьми, — спешили к поездам. Егор прошёл в зал ожидания, где располагалась камера хранения. Старый автомат, ряд металлических ячеек. Он подошёл к ячейке номер 17, достал из кармана бирку, вставил в щель. Механизм щёлкнул, дверца от-

крылась. Егор заглянул внутрь.

В ячейке лежала папка. И старый навигатор.

Егор вытащил папку, проверил. Внутри — пусто. Только обложка с надписью «Дело №48». Он помнил эту папку. В ней были материалы дела, которое он вёл два года назад — последнего дела, когда он ещё работал следователем. Оно касалось пропавшей девочки, и он провалил его. Промаяхнул-ся, не заметил главного, позволил уликам исчезнуть. Начальство вынесло ему выговор, потом перевели в другой отдел, потом он уволился сам. Папка должна была пойти в архив, но Егор забрал её — чтобы не забыть. Чтобы помнить, как можно ошибиться. Он положил её в ячейку, чтобы жена не нашла. И забыл о ней на два года. А теперь она была пуста.

Он взял навигатор. Старый, потёртый, с треснутым экраном. Он включался, но на дисплее плыли полосы. Егор нажал на кнопку меню, пролистал до «Истории маршрутов». И замер.

Последняя точка: санаторий «Бор». Дата — вчерашняя.

Егор перевёл дыхание. Кто-то брал его навигатор. Но как? Он был в ячейке, закрытой на ключ. Единственный ключ — тот самый, который держала в руке мёртвая женщина. Значит, она открыла ячейку. Она взяла навигатор. И она же — или кто-то другой — вернула его обратно. Или не вернула, потому что навигатор был здесь.

Егор перевернул папку в руках. На обложке, с внутренней стороны, он заметил что-то — надпись ручкой. Он повернул

папку к свету, прочитал.

«Анна Рощина. Звонила 20.12».

Егор взгляделся в почерк. Не его. Незнакомый, аккуратный, женский. Анна Рощина. Теперь у женщины, лежащей в корпусе, появилось имя. Она звонила. Но кому? И когда — двадцатого декабря, то есть три дня назад. Значит, она знала о ячейке. Она знала номер. Но как она узнала? Егор никому не говорил о папке. Он не оставлял записок. Он даже сам забыл, где лежит ключ.

Он прислонился спиной к металлическим ячейкам, закрыл глаза. В голове билась одна мысль: «Анна Рощина». Она звонила. Значит, она искала эту ячейку. Или её искали. Но ключ был у неё — в руке, когда она умерла. Она открыла ячейку, взяла навигатор, положила его обратно. Зачем? Чтобы кто-то другой нашёл его? Или чтобы Егор нашёл?

Он открыл глаза, посмотрел на навигатор. Экран всё ещё горел, показывая последний маршрут. От вокзала до санатория. И дата — вчерашняя. Анна приехала в санаторий. Она знала, где он. Она пришла к нему. Или к Михаилу.

Егор убрал навигатор в карман, закрыл ячейку. Он стоял в пустом зале ожидания, слушая, как объявляют посадку на поезд до областного центра. Голос был механическим, равнодушным. Егор повернулся и пошёл к выходу. На улице светило солнце — низкое, зимнее, почти не греющее. Снег под ногами скрипел, и этот звук казался единственно реальным.

Он сел в машину, положил навигатор на пассажирское сиденье. Смотрел на него, не заводя мотор.

Анна Рощина. Она звонила. Она открыла ячейку. Она взяла навигатор и поехала в санаторий. И кто-то убил её там.

Но зачем ей был нужен его старый навигатор? В нём не было ничего, кроме маршрутов — он использовал его только для работы, для объезда территории. Егор никогда не хранил там ничего секретного.

Или хранил? Он не помнил.

Егор завёл машину, выехал на трассу. Снег летел из-под колёс, мелькали белые поля. Он смотрел на дорогу и думал об одном: Анна Рощина знала про ячейку. Она знала номер. Она знала его имя — записка в кармане подтверждала это. Всё это было связано с ним. Он чувствовал, что пазл начинает складываться, но у него не было главного куска — почему? Почему именно он? Два года назад он ушёл из органов, зарыл прошлое, перестал быть следователем. Он стал зрителем. Он закрывал двери, а не открывал. Но кто-то открыл дверь в его прошлое.

Егор въехал на территорию санатория, остановился у ворот. Он не стал заезжать на парковку, оставил машину у въезда. Вышел, посмотрел на третий корпус. Тот стоял как ни в чём не бывало — серый, заколоченный, безжизненный. Но внутри лежало тело.

Он должен был что-то сделать. Сказать кому-то. Но кому? Морозов сказал молчать. Полиция не поверит. Егор по-

нимал: если он скажет, что нашёл тело и ключ принадлежит ему, его закроют. Посадят на время, пока будут разбираться. А пока он будет сидеть, улики исчезнут. След остынет. И он никогда не узнает, кто убил Анну и почему в её кармане была записка с его именем.

Он медленно пошёл к сторожке, размышляя. В кармане лежал навигатор, на сиденье осталась папка. Но внутри неё ничего не было. Что-то исчезло из ячейки. Что-то важное. Егор не знал, что именно, но знал — Анна забрала это. Или кто-то забрал до неё.

Он вошёл в сторожку, закрыл дверь. Сел за стол и посмотрел на ключ-бирку, которая всё ещё лежала перед ним. Он провёл пальцем по номеру, как делал уже сотню раз за последние часы.

Анна Рощина. Она звонила. Она знала. Но откуда?

Егор перевернул бирку. На обратной стороне, почти стёршийся, был номер телефона. Тот самый, который он когда-то написал, чтобы не забыть — вокзальная справочная. Но сейчас он не был уверен, что это справочная.

Он взял телефон, набрал номер. Гудки пошли, длинные, пустые. Потом автоответчик: женский голос, записанный, но не механический.

— Вы позвонили Анне. Оставьте сообщение.

Егор медленно опустил трубку. Он смотрел на бирку, на номер телефона, написанный его собственной рукой. И не мог поверить.

Он сам дал ей номер. Два года назад. Он забыл. Он не помнил.

Но она помнила.

Глава 3

Егор не успел переодеться. Только закрыл дверь сторожки, как услышал шаги по хрустящему снегу. Он обернулся — по дорожке от главного корпуса торопливо шла Оксана Викторовна. Даже издали было видно: она взволнована. Она двигалась быстрее обычного, и шарф, намотанный поверх пуховика, развеялся на ветру. Егор замер у порога, пряча навигатор в карман.

— Егор Павлович! — окликнула она, подходя. Голос её был высоким, немного нервным. — Вы не видели Анну? Она должна была прийти ещё вчера вечером, но так и не появилась. Я звонила ей несколько раз. Телефон отключён.

Егор сделал вид, что задумался. Внутри всё сжалось. Анна. Теперь он знал её имя. И знал, что она не придёт. Никогда.

— Я не видел, — сказал он ровно. — Она не заходила в сторожку.

Оксана Викторовна вздохнула, провела рукой по лицу. Было видно, что она не спала всю ночь — под глазами залегли тёмные круги, а волосы были собраны наспех, кое-как.

— Она не выходит на связь со вчерашнего вечера. Это не похоже на неё, — сказала Оксана. — Анна всегда предупреждала, если задерживалась. А тут — тишина.

Егор молчал, не зная, что сказать. Он не мог рассказать

правду. Но и врать не умел.

— Может, уехала в город? — предположил он.

— Нет. Машина её здесь, на стоянке. Я проверяла. — Оксана посмотрела на него с надеждой. — Вы точно ничего не слышали ночью?

Егор покачал головой. Он слышал. Он видел. Но он не мог сказать.

Оксана вздохнула, поправила шарф. Затем, будто спохватившись, добавила:

— Анна — ландшафтный дизайнер. Мы наняли её для благоустройства территории. Весной планировали начать работы, но она хотела снять замеры и сделать эскизы до нового года. Говорила, что снег не помеха. Она очень ответственная.

— Где она жила? — спросил Егор, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Оксана махнула рукой в сторону старой части территории, где за корпусами стояли бытовки и вагончики.

— Там. У неё был вагончик за вторым корпусом. Мы выделили ей место на время работы. Она почти не уезжала, работала с утра до ночи.

Егор кивнул. Ему нужно было попасть в вагончик. Посмотреть. Найти что-то, что объяснило бы, почему Анна пришла в закрытый корпус и почему у неё был его ключ. Но он не мог спросить прямо — Оксана заподозрит неладное. Поэтому он просто сказал:

— Может, она оставила записку в вагончике?

Оксана пожала плечами.

— Не знаю. Я не заходила, не хотела нарушать её личное пространство. Но вы можете проверить, если хотите. Это вроде как по вашей части — следить за порядком на территории.

Егор снова кивнул. Он развернулся и пошёл в сторону вагончиков.

Вагончик стоял в глубине санаторной территории, между вторым корпусом и старым гаражом, который уже не использовали. Он выглядел как обычный строительный блок — железный, с облупившейся краской и одним зарешёченным окном. Снег вокруг вагончика был утоптан, виднелись следы — много следов, разного размера. Егор присмотрелся, но не смог понять, какие из них оставлены вчера, а какие — раньше.

Он подошёл к двери. Она была приоткрыта.

Егор остановился. Внутри кого-то не было — он чувствовал это. Но что-то заставило его насторожиться. Он приоткрыл дверь ногой, заглянул.

В вагончике царил беспорядок.

Ящики выдвинуты, бумаги разбросаны по полу. Стол перевернут — точнее, опрокинут набок. Книги, альбомы, папки валялись вперемешку с карандашами и ручками. На полу лежал стул, ножками вверх. И повсюду — следы. Несколько пар обуви, как будто здесь побывало несколько человек.

Егор переступил порог, стараясь не наступать на вещи. Он осмотрел вагончик — маленькое помещение, разделённое на две части: рабочую зону и спальное место. Спальня выглядела нетронутой — кровать заправлена, подушка на месте. Но рабочая зона была разгромлена. Кто-то что-то искал. Или пытался сделать так, чтобы это выглядело как обыск.

Егор наклонился, поднял один из альбомов. Внутри — эскизы, аккуратные, карандашные. Деревья, клумбы, аллеи. Анна была талантливым дизайнером. Но среди рисунков он заметил и другое — вырезки из старых газет, закладки, фотографии.

Он перелистал альбом, остановился на одной странице. Это была фотография санатория «Бор», старого образца. Егор узнал здание — ещё до реконструкции, когда корпус номер три был открыт и работал. Фотография была сделана летом, на переднем плане — газон, фонтаны, дети. Обычная картинка из прошлого. Но Егор знал, что это не случайное фото. Анна собрала его не просто так.

Он перевернул снимок. На обороте, аккуратным почерком, было написано:

«Они знают. Я нашла».

Подпись — Анна.

Егор замер. Он смотрел на эти слова и чувствовал, как холод поднимается по спине. «Они знают». Кто «они»? И что она нашла? Он перечитал ещё раз. «Я нашла». Значит, она искала. Что-то важное. И она нашла это здесь, в санатории.

Егор убрал фотографию в карман. Он осмотрел остальные бумаги, но ничего больше не нашёл. Кто-то забрал или уничтожил всё, что могло быть важным. Телефон Анны — тот, что он нашёл у тела, — был разбит. Её ноутбук исчез. Бумаги разбросаны так, будто их не искали, а просто выкинули в спешке.

Егор присел на корточки, разглядывая пол. Он заметил следы ботинок — мужских, сорок второго размера, с глубоким протектором. Такие же следы он видел утром в сторожке. Следы Михаила. Егор провёл пальцем по одному из отпечатков — грязь ещё не высохла. Значит, здесь были сегодня утром. До того, как он пришёл.

Он выпрямился. Мысли путались. Анна искала что-то. Она нашла. Она написала «Они знают». И её убили. А её вагончик обыскали. Кто-то хотел забрать то, что она нашла. Но не успел — или не нашёл.

Егор вышел из вагончика, прикрыл дверь. Он стоял на улице, смотрел на заснеженную территорию. Ветер дул с запада, где находился третий корпус. Егор снова посмотрел на него. Он знал, что вернётся туда сегодня ночью.

Потому что он должен был понять: что именно нашла Анна и кто знал об этом. И почему её смерть была связана с ключом от его прошлого.

Он пошёл обратно к сторожке, и в кармане лежала фотография с надписью «Они знают. Я нашла». Он не знал, что она нашла. Но он знал, что должен найти это сам.

Он открыл дверь сторожки, зашёл и закрыл за собой. Положил фотографию на стол рядом с ключом и запиской. Три вещи. Три улики. И ни одной разгадки.

Егор сел, закрыл глаза. Он думал об Анне, о её эскизах, о фотографии, о вагончике. И о том, кто вчера ночью пришёл в его сторожку с мокрыми ботинками. Михаил знал, что Егор не спит. Михаил знал, где находится вагончик. Михаил знал все замки и все ходы.

Егор открыл глаза. Он смотрел на фотографию, на слова Анны: «Они знают. Я нашла». И понимал: он должен найти это раньше, чем они.

Глава 4

Егор вернулся в вагончик через час, когда солнце поднялось выше и осветило территорию холодным белым светом. Он взял с собой пустую сумку — на случай, если нужно будет забрать документы. Оксана Викторовна была занята в главном корпусе, и никто не видел, как он вошёл. Дверь всё так же была приоткрыта, и Егор скользнул внутрь, стараясь не шуметь.

Беспорядок остался прежним. Егор опустился на корточки и начал собирать бумаги с пола. Альбомы, эскизы, распечатки, старые журналы — всё это было разбросано в хаотичном порядке. Он складывал их в стопки, просматривая каждую страницу. Большая часть была посвящена ландшафтному дизайну — схемы посадок, расчёты дренажа, фотографии растений. Но среди профессиональных заметок он нашёл несколько папок с совсем другим содержанием.

Анна собирала историю санатория.

Егор открыл одну из папок. Там лежали копии документов — старые отчёты, планы зданий, списки сотрудников. Она явно копала глубже, чем требовалось для благоустройства территории. Егор перелистывал страницы, пока не наткнулся на жёлтый лист — копия приказа, датированная 2015 годом.

Он прочитал его дважды.

«В связи с аварийным состоянием несущих конструкций корпуса №3 приказываю закрыть объект для проведения капитального ремонта. Доступ персонала и посторонних лиц запрещён. Главный врач санатория «Бор», подпись».

Егор посмотрел на дату. Август 2015 года. Он задумался. Он был следователем в то время, и хотя санаторий не попал в его поле зрения, он помнил, что в области тогда был какой-то скандал. Что-то о деньгах, выделенных на ремонт, но потом работы заморозили. Он не вникал, но сейчас в памяти всплыли обрывки разговоров.

Он перевернул страницу и нашёл ещё один документ — отчёт о проведении работ. Март 2015 года. Капитальный ремонт корпуса №3. Замена перекрытий, усиление фундамента, обновление коммуникаций. Всё по правилам, всё с подписями.

Егор положил оба листа рядом. Март 2015 — ремонт завершён. Август 2015 — корпус закрыт как аварийный. Прошло всего пять месяцев. Как может здание, только что прошедшее капитальный ремонт, стать аварийным? Это было невозможно. Или — или ремонт был фикцией, и деньги просто распилили. Или корпус закрыли по другой причине, а «аварийное состояние» — лишь прикрытие.

Егор вспомнил слова Валентины Сергеевны: «Там девочка погибла». Июль 2015 года. Как раз между ремонтом и закрытием. Девочка утонула в бассейне, который находился в корпусе №3. Меньше чем через месяц корпус закрыли на-

всегда.

Он перевернул ещё несколько страниц в папке Анны. Среди бумаг он нашёл старую фотографию бассейна — пустого, с трещинами на дне, с облупившейся плиткой. На обороте было написано: «Закрыт 2015. Причина — аварийное состояние». Но Егор знал правду. Бассейн был исправен. Его закрыли из-за смерти.

Егор сидел на корточках, перебирая бумаги, когда его взгляд упал на мусорную корзину под столом. Обычная пластиковая корзина, почти пустая. Но на самом дне он заметил комок бумаги, скомканный и брошенный. Не на полу, а именно в корзине — как будто тот, кто обыскивал вагончик, не обратил на неё внимания.

Егор вытащил бумажку, развернул.

Это была записка. Написанная от руки, шариковой ручкой, с сильным нажимом. Почерк мужской — угловатый, небрежный, но уверенный.

«Не суй нос. Ты не хозяйка. Я знаю, кто ты такая».

Егор перечитал несколько раз. Слова были грубыми, прямыми. «Не суй нос» — значит, Анну предупреждали. «Ты не хозяйка» — ей указывали на её место. «Я знаю, кто ты такая» — это звучало как угроза. Кто-то знал, что она копает, и не хотел, чтобы она продолжала.

Егор посмотрел на почерк. Угловатый, с резким наклоном вправо. Он пытался вспомнить, видел ли он такой почерк раньше. В санатории было много мужчин — охранники, во-

дители, технический персонал. Он не знал всех. Но он мог проверить.

Он убрал записку в карман, рядом с фотографией. У него теперь было три улики: ключ-бирка, фотография с надписью «Они знают. Я нашла» и записка-угроза. И все они указывали на одно: Анна была не просто дизайнером. Она расследовала то, что произошло в санатории в 2015 году. Она нашла что-то важное. И её убили за это.

Егор собрал оставшиеся бумаги, но больше ничего не нашёл. Папка Анны была почти пуста — только копии приказов и пара старых фотографий. Но Егор знал: что-то главное было у неё. То, что она нашла. И это исчезло.

Он вышел из вагончика, прикрыл дверь. Ветер усилился, снег кружил в воздухе. Егор посмотрел на часы — почти полдень. До вечернего обхода оставалось несколько часов. Ему нужно было проверить ещё кое-что.

Он направился в главный корпус, туда, где находилась библиотека санатория — старый зал, полный пыльных стеллажей. Егор никогда не заходил туда, но знал, что там хранятся старые газеты и документы. Он хотел найти информацию о санатории за 2015 год. Узнать, что писали в местной прессе.

Библиотекарь, пожилая женщина с очками, удивлённо посмотрела на него. Егор представился, сказал, что собирает материалы для истории санатория. Она кивнула, показала на стеллажи. Егор нашёл подшивку местной газеты за 2015 год.

Пролистал. Две короткие заметки: одна о ремонте корпуса №3, вторая о гибели девочки в бассейне. Всё изложено сухо — «несчастный случай», «соболезнования», «проводится проверка».

Никаких подробностей. Никаких имён. Никаких вопросов.

Егор отложил газету. Он понял: то, что случилось в 2015 году, замолчали. И замолчали качественно. Но Анна нашла что-то, что заставило замолчать других.

Он вышел из библиотеки и направился обратно в сторожку. В кармане лежала записка — «Не суй нос. Ты не хозяйка. Я знаю, кто ты такая». Кто-то знал, кто такая Анна. И кто-то не хотел, чтобы она копала.

Егор зашёл в сторожку, сел за стол. Он смотрел на три вещи, лежащие перед ним. Они начинали складываться в одну картину. 2015 год, девочка, бассейн, закрытый корпус. Анна нашла что-то связанное с этим. Её убили. И ключ от ячейки, где лежала папка с его прошлым, оказался в её руке.

Он взял записку с угрозой, перечитал её ещё раз. Почерк был грубым, но уверенным. Егор попытался представить лицо того, кто мог написать это. Михаил. В его голове снова всплыло лицо ночного гостя — спокойное, пустое. И мокрые следы на полу.

Егор не знал, кто написал записку. Но он знал, что должен найти этого человека.

Потому что он был следующим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.